

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

А. В. Попов

**ТЕОРИЯ «КОЧЕВОГО ФЕОДАЛИЗМА»
АКАДЕМИКА Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА И СОВРЕМЕННАЯ ДИСКУССИЯ
ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ КОЧЕВНИКОВ**

«Гибнет в потоке жизни только то, что лишено крепкого зерна жизни и, следовательно, не стоит жизни», — писал В. Г. Белинский [Белинский, т. 10, с. 313]. Есть достаточные основания утверждать, что в историческом монголоведении таким «крепким зерном жизни» обладают плоды научной деятельности академика Б. Я. Владимирцова. Названия его работ, особенно главного исторического труда этого ученого — «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», вот уже в течение полувека не сходят со страниц научных исследований, посвященных не только историографической тематике, но и общетеоретическим проблемам общественного строя кочевых народов.

Известно, что эти проблемы представляют собой предмет острой и длительной дискуссии в марксистской историографии. Причем авторы, в разное время внесшие свой вклад в развитие марксистского кочевниковедения, предложили весьма разнообразный спектр оценок созданной Б. Я. Владимирцовым теории монгольского «кочевого феодализма». Высказывались мнения о том, что Б. Я. Владимирцову, который «шел к цели не столько от базиса к надстройке, сколько от надстроечных явлений к базису... удалось гениально угадать специфику монгольского феодального общества и охарактеризовать его развитие, доказав всеобщность законов развития феодализма, открытых основоположниками марксизма» [Златкин, 1982, с. 256]. Другие исследователи, наоборот, считали теорию Б. Я. Владимирцова «по существу повторением реакционной теории „насилия“ Дюринга» [Толыбеков, 1971, с. 224].

Что касается последней точки зрения, то подобное ей мнение о приверженности Б. Я. Владимирцова «традициям старой буржуазной школы» можно встретить и в первой рецензии на «Общественный строй монголов» [Смирнов, 1935, с. 123].

Суждения о немарксистской сущности теории «кочевого феодализма» встретили обоснованные возражения многих советских историков. Некоторые исследователи квалифицировали такие взгляды как «преувеличение» [Марков, 1974, с. 307]. Другие,

например В. Н. Никифоров, назвали основные теоретические положения, высказанные в работе «Общественный строй монголов», «безусловно марксистской концепцией, на основе которой работали и работают поколения советских историков» [Никифоров, 1970, с. 265]. С В. Н. Никифоровым сошлись во мнениях также И. Васильченко и Г. А. Федоров-Давыдов [Васильченко, 1974, с. 198; Федоров-Давыдов, 1976, с. 43].

Исследование Б. Я. Владимирцова представляет достаточно подтверждений такому выводу. Воспользуемся лишь одним из них. Вот, например, как характеризует Б. Я. Владимирцов производственные отношения в империи Чингис-хана: «... в XIII в., в эпоху монгольской империи, монгольские „вожди“, ханы, царицы и нояны, держали в своих руках все орудия производства кочевого натурального хозяйства и имели в своем распоряжении „своих людей“, к ним прикрепленных, но обладавших известной собственностью и личной свободой, которые могли вести индивидуальное хозяйство, предоставляя прибавочную стоимость своим господам» [Владимирцов, 1934, с. 114].

Данный вывод Б. Я. Владимирцова, судя по всему, может свидетельствовать о том, что теория «кочевого феодализма» выстроена с учетом принципиальных положений марксистской политэкономии феодализма, предполагающей сущностью производственных отношений в средневековую эпоху монопольную собственность господствующих классов на основные средства производства, личную зависимость непосредственных производителей от их сеньоров и обязательное существование мелкого собственного хозяйства феодально зависимых крестьян, ведущегося на земле, принадлежащей феодалу [Поршневу, 1964, с. 30, 35, 43].

Однако, как отмечают многие современные исследователи, сам по себе историко-материалистический метод, которым руководствовался в своих научных изысканиях Б. Я. Владимирцов, еще не означал, что теория «кочевого феодализма» может считаться «теоретически совершенной» [Никифоров, 1970, с. 265; Федоров-Давыдов, 1976, с. 39, 40].

В связи с этим, очевидно, не лишена интереса попытка вкратце рассмотреть мнения ряда современных исследователей о том, насколько положения теории Б. Я. Владимирцова удовлетворяют нынешнему уровню развития марксистской исторической науки о кочевниках. Строго информативное, не связанное необходимостью определенных конечных выводов, описание этого историографического сюжета может быть интересно еще и тем, что теория «кочевого феодализма» и по сей день не стала принадлежностью монголоведного «историографического архива», основные ее постулаты и по сей день оживленно обсуждаются специалистами по истории номадов.

Проблемы социально-экономического строя кочевников привлекли внимание историков-марксистов еще в середине 30-х годов. Но первый очевидный всплеск научных споров, в центре

которых оказались вопросы об исторических корнях кочевых обществ, относится к середине 50-х годов. В то время широкие обсуждения проблем социально-экономического облика кочевых народов прошли на специальных сессиях ведущих востоковедных центров СССР. Дискуссия была продолжена и на страницах авторитетных научных журналов, специализирующихся по проблемам всемирной истории [О патриархально-феодальных отношениях, 1956, с. 75, 76].

С начала 60-х годов и до сего времени кочевниковедческие дискуссии историков-марксистов приобрели новые, не свойственные им в 50-е годы черты: содержание современных научных обсуждений главным образом определяется уже не выступлением в форме устных сообщений и статей, а публикацией специальных монографических трудов, обобщающих и систематизирующих громадный фактический материал, накопленный наукой о кочевниках. Вместе с тем в истекшие два десятилетия продолжали выходить в свет краткие научные сообщения и статьи, в которых освещались отдельные теоретические проблемы общественных отношений, сложившихся в социальных организациях скотоводов-кочевников. К числу особенностей нынешнего этапа дискуссий об общественном строе кочевых народов можно также отнести то обстоятельство, что участвовавшие в обсуждениях исследователи вышли в своих концептуальных построениях за пределы теории феодальных отношений у кочевников — в последние годы были предложены гипотезы нефеодального (точнее, «протоклассового») варианта развития кочевых обществ [Вайнштейн, Семенов, 1977; Марков, 1976].

Наконец, начиная с 60-х годов в научные споры активно включились зарубежные, прежде всего монгольские, историки-марксисты. Особый вклад в осмысление проблем общественного строя кочевников с историко-материалистических позиций внесли написанные ими обобщающие работы [Гонгор, 1978; БНМАУ-ын түүх, 1966; Нацагдорж, 1978].

Представляется, что отмеченные особенности современных дискуссий об общественном строе кочевых народов доступны для наблюдения, в частности, на примере научных споров, ведущихся вокруг теории «кочевого феодализма» Б. Я. Владимирцова. В научной литературе отмечалось, что стержнем обсуждений проблем феодализма у кочевых народов являлся вопрос о наличии или отсутствии феодальной собственности на землю в обществах кочевников [Федоров-Давыдов, 1976, с. 40].

Обсуждением именно этого вопроса открылась описываемая в настоящей статье дискуссия о научной достоверности теории «кочевого феодализма».

Первым исследователем, активно начавшим пересмотр взглядов Владимирцова, стал С. Е. Толыбеков. Острые критических замечаний С. Е. Толыбекова было направлено против собственного для теории «кочевого феодализма» подхода к анализу земельных отношений у кочевников. С. Е. Толыбеков, считая

частную земельную сооственность на пастбища в принципе нехарактерной для кочевых народов [Толыбеков, 1971, с. 88, 220], возражает известному тезису Б. Я. Владимирцова о том, что у кочевников феодальная собственность выражалась в возможности степной знати руководить кочеванием зависящих от нее людей [Владимирцов, 1934, с. 112].

Концепция общественного строя народов, занятых подвижным скотоводством, которую предлагает С. Е. Толыбеков, опирается на заключение о том, что основным средством производства в кочевой экономике были стада, табуны, а не пастбища [Толыбеков, 1971, с. 40]. По С. Е. Толыбекову, землю неправомерно отождествлять с главным средством производства в хозяйстве кочевников: «Естественное пастбище для кочевого скотоводства является не более чем одним из элементов предмета труда, т. е. сырого материала, без которого скот не может существовать, как промышленное предприятие не может работать без сырья» [Толыбеков, 1971, с. 40]. В соответствии с этим С. Е. Толыбеков устанавливает, что роль основного орудия эксплуатации в обществах кочевников играют тысячные табуны и стада, находившиеся в собственности отдельных лиц [Толыбеков, 1971, с. 117].

Картина общественных отношений у подвижных скотоводческих народов, рисуемая рассматриваемым автором, состоит в том, что кочевники на собственной социально-экономической основе могут развить лишь полуфеодальные (патриархально-феодальные) отношения, не связанные с монопольной земельной сооственностью какой-либо социальной прослойки [Толыбеков, 1971, с. 112].

К выводам, близким точке зрения С. Е. Толыбекова, пришел В. Ф. Шахматов [Шахматов, 1964, с. 27].

Некоторые принципиальные положения концепции С. Е. Толыбекова были подвергнуты критике рядом авторов, поддерживающих и развивающих взгляды Б. Я. Владимирцова на современном этапе кочевниковедческих дискуссий.

Еще в 50-е годы И. Я. Златкин и Л. П. Потапов показали, что скот не был монопольной сооственностью кочевых феодалов, а потому не мог служить средством феодальной эксплуатации (см., например, [Златкин, 1955, с. 73]). Скотом на правах собственности владели и кочевые предводители, и рядовые скотоводы, поэтому «феодал не мог бы заставить рядового кочевника (имевшего в своем распоряжении небольшое стадо) работать на него, если бы он не являлся собственником земли», — считают авторы редакционной статьи журнала «Вопросы истории», присоединившиеся к мнению И. Я. Златкина и Л. П. Потапова [О патриархально-феодальных отношениях, 1956, с. 78—79].

Методическим недостатком концепции С. Е. Толыбекова ее научные оппоненты называют также неточное определение характера общественных отношений в кочевых обществах. В данном случае можно сослаться на мнение Г. Е. Маркова, одного

из исследователей, не считающих правомерной теорию «кочевого феодализма». Г. Е. Марков, в частности, отмечает, что любой богатый скотовод, способный эксплуатировать своих немущих соплеменников, вопреки мнению С. Е. Толыбекова, еще не становился феодалом (см. [Марков, 1976, с. 292]). Из книги Г. Е. Маркова «Кочевники Азии» явствует, что нарисованный С. Е. Толыбековым порядок эксплуатации кочевой бедноты, обслуживавшей огромные стада крупных скотовладельцев, в большей степени напоминает экономическое соглашение между лишенным своего скота, а следовательно, и средств к существованию бедняком и богатым собственником многочисленных стад, нуждающимся в рабочих руках для ухода за ними.

Тем самым из разработанной С. Е. Толыбековым концепции патриархально-феодальных отношений фактически выпал институт внеэкономического принуждения, представляющий собой непрменный атрибут любых конкретно-исторических форм феодальной эксплуатации. «Отработки,— указывал В. И. Ленин применительно к крепостному, феодальному строю,— необходимо требуют принуждения к работе, неполноправности отработчика...» [Ленин, т. 2, с. 495]. Современные исследователи неоднократно отмечали, что степная знать эпохи средневековья располагала возможностями для такого принуждения и подчинения (см. [Федоров-Давыдов, 1976, с. 43]). Если же следовать рассуждениям С. Е. Толыбекова, то может получиться, что «и русский кулак был феодалом» [Марков, 1976, с. 293].

К тому же авторы, считающие необоснованными попытки коренного пересмотра теории «кочевого феодализма», полагают, что беднейшие слои скотоводческого населения, с точки зрения кочевых предводителей, не могут представлять собой основной объект эксплуатации. Напримр, И. Васильченко рассматривает немущих скотоводов как социальный слой, не играющий роли главной производственной силы в кочевых обществах и неспособный обеспечить устойчивое функционирование даже полуфеодально-организованного подвижного скотоводческого производства. Этот автор отмечает: «Опыт истории монгольского народа позволяет говорить о том, что центральным звеном в организации крупного скотоводческого хозяйства кочевников являлся институт принудительной раздачи скота на выпас феодально-зависимым скотоводам, ведущим самостоятельное хозяйство... Последние вынуждены были выполнять эту повинность, поскольку они пользуются пастбищными угодьями, принадлежащими тому же (богатому.— А. П.) скотовладельцу» [Васильченко, 1974, с. 197].

Сходное мнение можно встретить также в работах Л. П. Потапова, Г. А. Федорова-Давыдова [Потапов, 1975, с. 123; Федоров-Давыдов, 1976, с. 44, 45].

Столь разносторонние критические замечания, высказанные в адрес концепции о «скотовладельческом» варианте патриархально-феодальных отношений у кочевых народов, вероятно, по-

требуют от ее авторов существенных дополнительных контраргументов в случае, если дискуссия вокруг этой концепции будет продолжена.

Следует упомянуть также о том, что многие исследователи-кочевниковеды обратили внимание на недостаточную фактическую обоснованность суждений С. Е. Толыбекова и В. Ф. Шахматова о ведущей роли одного лишь скота в хозяйстве кочевников.

При этом большинство авторов, не разделяющих мнения о «скотоводческих» особенностях средств производства у кочевников, главным средством производства в кочевой экономике считают пастбищные угодья [Златкин, 1982, т. 258, 259; Потапов, 1975, с. 119; Плетнева, 1981, с. 60; Гонгор, 1978, с. 4].

Стада и табуны, с точки зрения этой группы исследователей, были для кочевников главным орудием труда, живым инвентарем.

Автор первого в советской историографии сводного кочевниковедческого труда Г. Е. Марков, как уже было отмечено, присоединяется к критическим замечаниям, касающимся недооценки С. Е. Толыбековым роли пастбищ в хозяйстве кочевников. Особенность же рассуждений Г. Е. Маркова состоит в том, что наряду с землей он признает стада и табуны главным средством производства в хозяйстве кочевых народов [Марков, 1976, с. 288].

Выдвинутая Г. Е. Марковым концепция общественного строя кочевников опирается на утверждение о том, что в кочевых обществах не смогла развиться монополярная собственность определенной социальной группы на какое-либо из главных для подвижной скотоводческой экономики средств производства. В соответствии с этим исследователь считает ошибочными различные точки зрения о феодальном характере социально-экономического строя кочевников, вне зависимости от того, предполагали эти точки зрения основой феодальных отношений собственность на землю или на скот [Марков, 1976, с. 289, 290]. Наибольшее внимание при этом Г. В. Марков уделяет критическому разбору взглядов Б. Я. Владимирцова и современных сторонников теории «кочевого феодализма» [Марков, 1976, с. 80—102, 120—135, 305—307].

Считая рабовладельческие отношения одной из составных частей социально-экономической системы кочевых обществ, Г. Е. Марков указывает, что рабство у кочевников, будучи исключительно домашним и патриархальным, не могло составить ведущего общественно-экономического уклада [Марков, 1976, с. 67, 154, 271].

Равным образом Г. Е. Марков считает невозможным отнести кочевые народы к первобытнообщинному этапу развития [Марков, 1976, с. 68, 69].

По мнению рецензентов книги «Кочевники Азии» С. И. Вайнштейна и Ю. И. Семенова, ее автор склоняется к взгляду, что

в основе общества кочевников лежали особые, только ему присущие производственные отношения [Вайнштейн, Семенов, 1977, с. 164]. Недостаточно четкая характеристика этих отношений представляется С. И. Вайнштейну и Ю. И. Семенову одним из спорных моментов концепции Г. Е. Маркова. Авторы рецензии отмечают, что понятия «военная демократия» и «патриархальный уклад», которые, по мнению Г. Е. Маркова, лежат в основе особых «кочевых» общественных отношений, не содержат никаких указаний на специфику социально-экономического строя номадов, поскольку оба эти определения применяются в научной литературе и для характеристики оседлых земледельческих обществ [Вайнштейн, Семенов, 1977, с. 164, 165].

По С. И. Вайнштейну и Ю. И. Семенову, общественный строй кочевых народов соотносится с «предклассовым» уровнем развития. Сравнение кочевых обществ с социально-экономическими отношениями у некоторых африканских народов, лежащее в основе концепции названных авторов, вероятно, переносит рассматриваемую дискуссию прежде всего в область проблемы «всемирная история и кочевники» [Вайнштейн, Семенов, 1977, с. 165]. Поэтому описание рассуждений С. И. Вайнштейна и Ю. И. Семенова лежит за пределами темы настоящей статьи.

Эти же авторы указывают, что Г. Е. Марков, рассматривая процесс классообразования как явление, присущее не только начальной, но и всем стадиям эволюции кочевничества, в то же время «ничего не говорит о том, какие же именно классы формировались, складывались в их (кочевников.— А. П.) обществах» [Вайнштейн, Семенов, 1977, с. 165].

В связи с этим не является до конца устоявшейся в современной марксистской историографии концепция «дофеодального» периода общественного развития, к которому Г. Е. Марков относит кочевые общества. По мнению А. И. Неусыхина, «дофеодальный» период должен характеризоваться имущественным и социальным расслоением, возникновением государства, хотя в рамках этого периода не сложилось ясно выраженной классовой структуры общества. «Дофеодальный» период, уже не имея признаков первобытного строя, не являлся еще классово-феодальным, и поэтому он не может быть отнесен ни к одной общественно-экономической формации [Неусыхин, 1967, с. 76, 79, 87].

Однако, как считает В. Н. Никифоров, реальному существованию протофеодального периода противоречат «факты заметных в истории граней между формациями, явных скачков от доклассовой формации к классовой, связанных обычно с возникновением государства, факты существования в соответствующих обществах уже возникших (хотя бы и „неясно выраженных“) классов, классового неравенства, эксплуатации» [Никифоров, 1976, с. 32].

Если вернуться к критике Г. Е. Марковым взглядов Б. Я. Владимирцова о феодальном общественном строе у мон-

голов, то не все приведенные Г. Е. Марковым контраргументы теории монгольского «кочевого феодализма» можно счесть до конца убедительными. Рассмотрим лишь один пример.

«Уложением китайской Палаты внешних сношений» был кодифицирован порядок выплат вознаграждения за аренду пахотных угодий в Горлосе, принадлежащих монгольской дивизии, и при этом «довольно высокое вознаграждение выплачивалось князю, правителю дивизии, и офицерам в соответствии с их рангом. Но по 2 лана в год получали также каждый рядовой и каждое семейство кочевников» [Марков, 1976, с. 119].

Г. Е. Марков приводит этот факт в подтверждение точки зрения о том, что в период маньчжурского господства в Монголии пастбищные угодья находились во владении кочевых общин, а не в единоличной собственности их предводителей. Но в § 84 из издания «Уложения китайской Палаты внешних сношений» на русском языке, на который ссылается Г. Е. Марков, сказано, что горлосской дивизии «всемиловитвейше жалуется» сумма оброков с земледельцев, чьи пашни находятся на землях этой дивизии [Липовцов, 1828, т. 1, с. 59, 60]. Более определенное толкование этого факта дает китайский источник: «На 5-й год правления Цзя-цина¹ военный губернатор провинции Цицинь в меморандуме трону просил об установлении в Чанчуне должности чиновника-инспектора (*тунпань*), который ведал бы вновь распаханной землей в Горлосе, налог (*шуй*) с коих был высочайше пожалован горлосской дивизии» [Цин ши гао, л. 7а].

Отсюда можно предположить, что в рассмотренном фрагменте из «Уложения китайской Палаты внешних сношений» речь шла не об арендной плате за землю, а о передаче цинским императором монгольскому хошуну поступлений от налогов с земледельческого населения. Подобные акции, проводившиеся цинским двором в начале XIX в. в отношении нескольких южно-монгольских хошунов [Липовцов, 1828, т. 1, с. 109, 110, 112], можно считать частью известной политики маньчжурской династии, цель которой состояла в том, чтобы превратить монголов в лояльную цинскому трону вооруженную силу на случай внутренних «смут» в Китае или внешнеполитических осложнений [Владимирцов, 1934, с. 190; Нацокдоржи, 1958, с. 17]. Возможно, поэтому в распределяющих доходы от пахотных земель в Монголии законодательных установлениях Лифаньюани не были забыты и «рядовые» монголы, «войско».

Мнение Г. Е. Маркова о том, что современные кочевниково-ведческие дискуссии позволяют сделать окончательные выводы по поводу неправомерности теории «кочевого феодализма» [Марков, 1976, с. 307], не завершило современные научные споры, ведущиеся вокруг взглядов Б. Я. Владимирцова. Большая группа историков, исходя из положений, высказанных Б. Я. Владимирцовым, продолжает работать над концепцией о феодаль-

¹ 5-й год правления Цзя-цина — 1800 г.

ном облике общественных отношений у кочевых народов (прежде всего у монголов).

К числу таких исследователей принадлежит, например, академик Нацагдорж (МНР). Он присоединяется к мнению о двуединых, состоящих из пастбищ и скота средствах производства в хозяйстве кочевых народов. При этом Ш. Нацагдорж исходит не только из решающей роли, которую рабочий и продуктивный скот играет в хозяйстве кочевников, но и из того обстоятельства, что лишенные собственного стада (т. е. одного из основных средств производства) аратские хозяйства на кабальных условиях были вынуждены принимать на выпас скот феодалов и богачей [Нацагдорж, 1978, с. 30, 31]. Собственность же рядовых кочевников на скот «основывалась на личном труде, поэтому она отличалась от собственности феодалов. К тому же обычным явлением было распространение экономического гнета феодалов и богачей на рядовых скотоводов, происходившее не потому, что последние, как считают некоторые авторы, были лишены одних лишь пастбищ, а вследствие потери ими большей части или всего принадлежащего им скота» [Нацагдорж, 1978, с. 32, 33].

Итак, академик Нацагдорж, в целом оставаясь на позициях теории «кочевого феодализма» [Нацагдорж, 1978, с. 35], картину феодальных отношений среди кочевых народов, рисуемую современными сторонниками этой теории, дополнил положениями о двуединой основе института эксплуатации в кочевых обществах, составленного не только собственностью степных «сеньоров» на землю, но и их крупным скотовладением.

Следует заметить, что и другие авторы, в главном разделяющие взгляды Б. Я. Владимирцова, уточняют и развивают отдельные аспекты теории «кочевого феодализма» в соответствии с новым фактическим материалом, постоянно пополняющим источниковедческую базу марксистской науки о кочевниках. Так, в 50-х годах было пересмотрено отмеченное Б. Я. Владимирцовым значение термина «унаган-богол» (см. [Рыгдылон, 1953]).

Проблема предложенной Б. Я. Владимирцовым периодизации исторического развития феодализма в Монголии была предметом активного изучения в разные годы. Н. Смирнов, автор первого отзыва о книге Б. Я. Владимирцова, отмечал, что, по материалам рецензируемой работы, более убедительным представляется завершение формирования феодального строя у монголов не в период империи Чингис-хана, как считал Б. Я. Владимирцов, а значительно позже, может быть в XVI в. [Смирнов, 1935, с. 123].

Тенденция к тому, чтобы считать послеоаньскую Монголию периодом становления развитых форм феодализма, заметна и в третьем издании «Истории МНР», где раздел об общественном строе Монголии периода феодальной раздробленности дополнен отсутствовавшими во втором издании выводами об окончательном становлении отношений феодальной эксплуатации в XIV—

XVII вв. [История МНР, 1976, с. 172; История МНР, 1983, с. 148, 149].

Вместе с тем ряд современных авторов принимают периодизацию Б. Я. Владимирцова [Златкин, 1961; Гонгор, 1978].

Проблема общественного строя кочевых народов, бесспорно, потребует дальнейшей разработки марксистской исторической наукой. Но, несмотря на постоянное совершенствование и развитие различных концепций общественных отношений в обществах кочевников, которые до сего времени были высказаны историками-марксистами, и вне зависимости от эволюции форм обсуждения этих концепций труд Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» был и остается смысловым стержнем, вокруг которого и поныне ведутся дискуссии.

- Ленин, т. 2.— *Ленин В. И.* Перлы народнического прожектерства.— Полное собрание сочинений. Т. 2.
- Белинский, т. 10.— *Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года.— Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 10. М., 1956.
- БНМАУ-ын түүх, 1966.— Бугд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. 1-р боть. Улаанбаатар, 1966.
- Вайнштейн, Семенов, 1977.— *Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И.* [Рец. на:] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.— СЭ. 1977, № 5.
- Васильченко, 1974.— *Васильченко И.* Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов.— ВИ. 1974, № 4.
- Владимирцов, 1934.— *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Гонгор, 1978.— *Гонгор Д.* Халх товчоон. 2-р боть. Халх монголчуудын нийгэмдийн засгийн байгуулал (XI—XVII зуун). Улаанбаатар, 1978.
- Златкин, 1955.— *Златкин И. Я.* О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов.— ВИ. 1955, № 4.
- Златкин, 1961.— *Златкин И. Я.* Опыт периодизации феодализма в Монголии.— XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1961.
- Златкин, 1964.— *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.
- Златкин, 1982.— *Златкин И. Я.* Основные закономерности развития феодализма у кочевых народов.— Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
- История МНР, 1967.— История Монгольской Народной Республики. М., 1967.
- История МНР, 1983.— История Монгольской Народной Республики. М., 1983.
- Липовцов, 1828.— *Липовцов С.* Уложение китайской Палаты внешних сношений. Т. 1, 2. СПб., 1828.
- Марков, 1976.— *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.
- Нацагдорж, 1978.— *Нацагдорж Ш.* Монголын феодализмын үндсэн замнал. Улаанбаатар, 1978.
- Нацокдоржи, 1958.— *Нацокдоржи Ш.* Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1958.
- Неусыхин, 1967.— *Неусыхин А. И.* Дофеодалный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодалному.— ВИ. 1967, № 1.
- Никифоров, 1970.— *Никифоров В. Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.
- Никифоров, 1976.— *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977.
- О патриархально-феодалных отношениях, 1956.— О патриархально-феодал-

- ных отношениях у кочевых народов (К итогам обсуждения).— ВИ. 1956, № 1.
- Плетнева, 1981.— *Плетнева С. А.* Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья.— ВИ. 1981, № 6.
- Поршнев, 1964.— *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964.
- Потапов, 1955.— *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— ВИ. 1955, № 6.
- Потапов, 1975.— *Потапов Л. П.* О феодальной собственности на пастбища и кочевья у тувинцев (XVIII — начало XX в.).— Социальная история народов Азии. М., 1975.
- Рыгдылон, 1953.— *Рыгдылон Э. Р.* О монгольском термине «онгу-богол».— Филология и история монгольских народов. М., 1953.
- Смирнов, 1935.— *Смирнов Н.* [Рец. на:] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Л., 1934.— Историк-марксист. 1935, № 4.
- Толыбеков, 1955.— *Толыбеков С. Е.* О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов.— ВИ. 1955, № 1.
- Толыбеков, 1971.— *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века: Политико-экономический анализ. А.-А., 1971.
- Федоров-Давыдов, 1976.— *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй кочевников в средневековую эпоху.— ВИ. 1976, № 8.
- Цин ши гао.— Цин ши гао (Черновая история династии Цин). Раздел «Лечжуань» («Фаньбу»). Цзюань 523. Пекин, 1927.
- Шахматов, 1964.— *Шахматов В. Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община (Вопросы преобразования, эволюции и разложения). А.-А., 1964.